УДК 81’23
Т. Цзинь
Российский университет дружбы народов

ОТ ЗНАЧЕНИЯ К МОТИВИРОВАННОСТИ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ [1]

В статье рассматривается когнитивный подход к интерпретации функции показателей направления в результативной конструкции в китайском языке как альтернативная точка зрения по отношению к традиционной теории грамматикализации. Цель исследования – проанализировать причины неэффективности традиционной теории в плане формирования реальных грамматических навыков и продемонстрировать возможности альтернативного подхода в плане объяснения мотивированности выбора определенного показателя говорящим в определенных ситуациях. Основной метод исследования – дедукция. Для иллюстрации различий между двумя подходами рассмотрено применение трех показателей направления к действию «покупать». Выявлено, что ограниченность объяснительной силы теории грамматикализации обусловлена двумя не совсем верными исходными допущениями. Первое допущение заключается в тождестве между упорядочиванием языковых явлений и языковым упорядочиванием познаваемого. Второе допущение – в тождестве между самой семантикой и механизмом ее генерации. Показано, что схожая грамматическая функция показателей направления в разных языках – следствие отождествления человеком направленности движения в пространстве и направленности перемен во времени. Наблюдаемая «грамматикализация» в языке представляет собой процесс не семантический, а когнитивный. Выбор того или иного показателя направления прежде всего связан не с действием как

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Государственного фонда социальных наук Китая (проект №16ZDA209)

таковым, а с пропозициональной установкой человека-субъекта познания: при порождении сообщения о некоем результате человек оценивает состояния «до» и «после», определяя сущностные различия между ними. Новый подход в практическом плане может способствовать формированию у иностранных обучающихся навыков «угадать» ви́дение носителей китайского языка, а в теоретическом плане может быть полезным для познания механизма генерации семантики.

Ключевые слова: познание, показатель направления, конструкция, ментальная модель, категоризация

UDC 81'23

T. Tszin
RUDN University

FROM MEANING TO MOTIVATION: COGNITIVE APPROACH TO THE INTERPRETATION OF RESULTATIVE CONSTRUCTION IN THE CHINESE LANGUAGE

The paper deals with the cognitive approach towards the interpretation of direction attributes function in the resultative construction of the Chinese language as a perspective opposing the conventional theory of grammaticalization. The objective of the study is to analyze the reasons why the conventional theory is ineffective with regard to the formation of real grammar skills and to demonstrate the benefits of the alternative approach in explaining the reasons why the speaker chooses a certain attribute in particular situations. The basic method of the study is deduction. To illustrate the differences between the two approaches, the author has studied the application of three direction attributes to the action 'to buy'. Factors that limit the grammaticalization theory's explanatory power are two incorrect initial assumptions. The first is the assumed equality between regulation of language phenomena and the language regulation of the cognizable. The second is the assumed equality between the semantics itself and the mechanism of its generation. This study shows that the similar grammatical function of direction attributes in different languages is caused by the human equating trajectory in space to changes in time. The grammaticalization

observed in the language is not a semantic, but a cognitive process. The choice of one or another direction attribute is primarily connected not with the action by itself, but with the propositional mindset of the human knowing: by generating the message about a result, the person assesses the states 'before' and 'after,' defining the core differences between them. In practice, the new approach may help non-native speakers develop the skills to 'guess' the perspective of Chinese native speakers. In theory, it may be useful for learning the mechanism of the semantics' generation.

Key words: cognition, direction attribute, construction, mental model, categorization

Введение

Устоявшаяся теоретическая грамматика, как принято считать, дает общее представление о грамматическом строе языка и его функционировании. Однако и представление о самой грамматике, и базовые грамматические понятия были сформированы еще в эпоху, когда язык исследовался как самостоятельная система вне контекста человека. Несмотря на установление антропоцентризма и когнитивизма в лингвистике, позиция традиционной грамматики по-прежнему прочна и остается все еще той версией, по которой, в частности, язык обучается как иностранный. Но именно при обучении языку как иностранному особо видна оторванность грамматики в виде строя языковой системы от реальных правил функционирования языка как языковой способности человека. Получается парадоксальная ситуация: базовые грамматические навыки родного языка на самом деле формируются в дошкольные годы у ребенка в ходе естественного процесса филогенеза, т. е. без обращения к описанной лингвистами грамматике, а преимущество взрослого в плане восприятия абстрактных грамматических понятий и правил отнюдь не является тем фактором, способствующим формированию реальной грамматической компетенции в ходе изучения иностранного языка.

На эту проблему обращают внимание и преподаватели-практики, и лингвисты-теоретики. Первые видят решение в когнитивном подходе в обучении, направленном на повышение активности мышления у обучающихся и способствующем пониманию внутренних когнитивных форм и смысловой интенции языковых

единиц, привычных для носителей другого языка (Табаченко, 2009; Беляевская, 2013). Теоретики оценивают наблюдаемую «неэффективность» грамматики как сигнал необходимости смены описательного характера лингвистики на объяснительный (Кибрик, 2003), необходимости внесения корректировки существующих грамматических теорий и концепций (Тань Аошуан, 2002). Нам особо близка точка зрения А. В. Кравченко о необходимости смены базовых положений когнитивизма о репрезентативной функции сознания и языка на представление о биосоциальной функции языка как когнитивной области кооперативных взаимодействий, в ходе которых формируется и развивается индивидуальное сознание (Кравченко, 2016, с. 14). Причина «неэффективности» грамматики коренится в том, что она изначально была направлена на описание языка как знаковой системы, а не на познание онтологии данной системы, т. е. не на познание языковой способности человека. Полученное при таком подходе знание о грамматических правилах, скорее, лишь «видимая часть айсберга», а реальная грамматическая компетенция в значительной степени опирается на ментальные процессы, которые происходят подсознательно и автоматизированно, но являются конвенциональными для определенного языкового коллектива. Таким образом, повышение «эффективности» грамматики в плане формирования реальных навыков в ходе обучения иностранному языку зависит от того, насколько интерпретация грамматических явлений сможет открыть для обучающихся доступ к подобным ментальным процессам. И эта цель вряд ли может быть достигнута лишь внесением корректировок в существующую теорию. Для этого требуется новый подход, отталкивающийся от того, что за всеми языковыми явлениями стоит человек – субъект познания.

В настоящей работе мы предпринимаем попытку предложить новую интерпретацию одного из сложных грамматических явлений китайского языка для иностранных обучающихся: способ выражения «результативности» события, в частности, когда «результативность» передается различными показателями направления движения, которые могут выступать и в качестве самостоятельного глагола для конструирования сообщения о перемещении в физическом пространстве.

Методология

Любое научное познание начинается с выбора исходных аксиом и определений, познавание языка тоже не исключение. Разные лингвистические теории содержат в себе некие постулаты или ряд допущений по отношению к языку, взаимоотношению между языком, мышлением, действительностью (Кошелев, 2008; Глебкин, 2014). «Однако если в математике аксиоматика разных ее разделов является предметом рассмотрения специального раздела – теории математического вывода, – то в лингвистике проблемы аксиоматики не привлекают особого внимания исследователей» (Беляевская, 2008, с. 65). Между тем, вывод логично вытекает из исходных допущений, поэтому для поиска нового подхода мы прежде всего попытаемся определить, на каких допущениях основывается традиционный подход к интерпретации «результативной конструкции» в китайском языке и почему именно этими допущениями и обусловлена слабая объяснительная сила традиционной теории. В свою очередь, особое внимание обращено на обоснование нового допущения для альтернативного подхода. Основной метод исследования – дедукция. Для иллюстрации различий между двумя подходами проанализировано применение трех показателей направления движения к действию «покупать».

Конструкция как языковая единица и уязвимость идеи о грамматикализации

Традиционно возникновение грамматической функции у показателей направления рассматривается как процесс грамматикализации, под которой понимается феномен появления у знаменательной языковой единицы служебных функций и значений (Антонян, 2003, с. 77), согласно чему показатель в результативных конструкциях именуется китайскими исследователями как 趋向补语 («комплемент со значением направления»), русскими исследователями – «направительная морфема», «модификатор», «результатив». Все эти термины подразумевают, что единица «результативная конструкция» делится на глагол-основу и добавочную частицу, с помощью которой выражается «результативность» действия. На практике подобные конструкции описываются двумя способами: 1) перечисляются возможные варианты сочетания конкретного глагола с показателями направления и примеры их применения

(Ханьюйдунцыюнфацыдянь, 1999); 2) описываются возможные значения показателей направления при их сочетании с определенными глаголами (Лю Юэхуа, 1998). Фактически мы имеем в результате лишь списочное описание семантики, остаются за скобками вопрос о том, почему одни сочетания корректны, а другие недопустимы, а также вопрос о том, почему при определенном сочетании возникает определенное значение.

Если рассматривать конструкцию как двухкомпонентную единицу, то деление на глагол-основу и добавочную частицу может показаться совершенно естественным, но на самом деле достоверных аргументов в пользу такого определения основы – нет. Во-первых, мы не можем утверждать, что показатель направления имеет отношение лишь к самому действию, во-вторых, неоднозначен также вопрос о том, действительно ли действие каким-то образом «модифицируется» в ситуациях, когда к нему применяются разные показатели.

Вот пример: существует действие «обмен денежных средств на какой-то объект», обозначенное в китайском языке как 买 mai. Подобное действие, как правило, достигает своего результата после совершения действия во времени, и, как следствие, глагол 买 mai при комбинации с оператором переключения состояния 了[2]может указывать на достижение результата действия:

苹果我买了 ‘яблоки + я + 买 + оператор переключения состояния 了’ – *Яблоки я уже купил* (*купила*).

Но допускаются также комбинации этого глагола с несколькими показателями направления, в том числе:

买到 maidao ‘买 + показатель достижения некоего конечного пункта движения’;

买上 maishang ‘买 + показатель движения вверх’;

买下 maixia ‘买 + показатель движения вниз’.

[2] Термин заимствован у Тань Аошуан (Тань Аошуан, 2002, с. 386).

При применении разных показателей ни само действие 买 mai, ни его результат никак не модифицируются: инициатор действия получил / получит некий объект в свое распоряжение после затраты денежных средств. В принципе этими вариантами может быть обозначена покупка одного и того же объекта, например, 一套房子 yitao fangzi ‘один + комплект, набор + дом – *квартира*’:

买到一套房子 maidao yitao fangzi ‘买 + показатель достижения некоего конечного пункта движения + квартира’;

买上一套房子 maishang yitao fangzi ‘买 + показатель движения вверх + квартира’;

买下一套房子 maixia yitao fangzi ‘买 + показатель движения вниз + квартира’.

Впрочем, оператор переключения состояния 了 также вполне достаточен для передачи «результативности» данного процесса: 买了一套房子 maile yitao fangzi – процесс обмена завершен, инициатор действия получил квартиру.

Естественно, эти варианты не эквивалентны. Вывод очевиден: показатель направления имеет отношение далеко не только к самому действию.

Деление конструкции на составляющие и определение взаимоотношения между составляющими – подход, соответствующий познавательной стратегии, сложившейся в европейских научных традициях. Как пишет об этом видный биохимик и англиканский священник Артур Пикок: «…человек смотрит на мир как на чужой и противоположный себе объект. Такой взгляд на мир повлек за собой процесс абстрагирования, в котором мировые явления и процессы распадались на составляющие. … Требовался методологически редукционистский подход для ответа на вопросы ‘новой философии’: ‘Какие вещи существуют’ затем ‘В каких отношениях находятся они друг с другом’, и наконец ‘Какими законами описываются эти отношения’» (Пикок, 2013, с. 3–4). Но такая стратегия вообще не гарантирует истинность результатов познания. «Можно согласиться с необходимостью методологической редукции, иными словами, с

тем, что, желая понять работу сложной системы и взаимодействие ее элементов, необходимо разложить ее на составные части и исследовать их по отдельности. Об этом никто не спорит. Спор начинается в вопросе об отношении нашего познания сложных систем к их онтологии, то есть о соотношении того, какими мы их видим, и того, каковы они на самом деле» (Пикок, 2013, с. 79–80). Предположение о языке как системе единиц с определенной структурой и соответствующий дифференцирующий подход к его исследованию отражает желание упорядочивать сами языковые явления, а аргументов для утверждения тождества между упорядочиванием языковых явлений и языковым упорядочиванием познаваемого – нет.

С установлением антропоцентризма в лингвистике активно ведется исследование семантики показателей направления движения в русле теории «ориентационной метафоры», выдвинутой в конце прошлого века Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (Lakoff & Johnson, 1980), в ходе которого выявляется вариативность семантики показателя одного и того же направления в разных языках, и исследователи склонны рассматривать эту вариативность как проявление особенности культуры, менталитета, логики или мышления (Чэнь Яньпин, 2011; Сунь Цзянь, Цянь Чжифу, 2014; Антонян, 2014). Такой вывод, на наш взгляд, методологически предопределен. Дело в том, что исследование семантики показателей направления в целом проводится согласно теории о «семантической деривации», когда формирование семантического объема конкретных языковых единиц рассматривается как изменение исходного значения в результате семантических процессов (метафорических и метонимических переносов, расширения и сужения значения) (Кустова, 2000). Поскольку непространственная семантика показателей направления в разных языках объективно не совпадает, то придется признать, что «сдвиги» у показателей одного и того же направления движения из разных языков происходят по-разному. Однако полученное представление об обусловленности семантического объема определенного показателя в определенном языке менталитетом или мышлением носителей этого языка на самом деле мало что объясняет. Ведь процесс оформления у человека менталитета или особенного образа национального мышления вряд ли отделим от

процесса осваивания своего родного, национального языка. И при обучении языку как иностранному говорить о том, что носители понимают значение в определенных ситуациях определенным образом, потому что они представители своей культуры и своего национального менталитета, – бессмысленно.

Представление о семантической деривации, по сути, является еще одним проявлением упомянутой нами выше познавательной стратегии методологической редукции: сначала выделяются отдельные значения, затем выявляются связи между ними, потом последует попытка объяснить, какими законами регулируются эти связи. Естественно, когда мы смотрим на семантику как некую систему с определенной структурой, в результате ее исследования непременно выявляется какая-то структура, и она вполне реальна для тех, кто ее выявляет. Но встает опять же вопрос онтологического характера: на самом ли деле семантика развивается согласно намеченным семантическим процессам? Зарождается ли семантика непосредственно из семантики? Опирается ли понимание нового смыла на какие-то операции непосредственно над значениями? Ответы на эти вопросы, скорее, отрицательные. Достаточно представить, что перед нами идеальный обучающийся, который выучил многочисленные значения каждого из этих показателей направления в китайском языке и встречает некий новый глагол в комбинации с определенным показателем. Перед ним будет очень непростая, а скорее, невыполнимая задача: решить, какое значение этого показателя проявится при комбинации именно с новым глаголом. Запоминание же значения комбинации конкретного глагола с конкретным показателем, истолкованного с помощью определенного глагола (или нескольких глаголов) из родного для обучающихся языка лишь усиливает нежелательный эффект интерференции родного языка, ибо такое толкование не раскрывает ни истинную семантику, ни условия применения этих комбинаций.

Конструкция как ментальная модель и идея о категоризации перемен

Следует отметить, что сегодня в целом меняется взгляд на язык, соответственно и подход к его исследованию. В частности, активно развивается лингвистика конструкций, когда в качестве основной единицы языка рассматривается как раз конструкция. При этом под

конструкцией понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» (Рахилина, Кузнецова, 2010, с. 20). Такой взгляд избавляет нас как от ложного искушения выделить элементарные единицы языка и описания правил функционирования языка путем выявления взаимоотношений между элементарными единицами, так и от неэффективной попытки описать семантику конструкции как процесс комбинирования значений ее составляющих частей. Рассмотрение конструкции должно начинаться с порождающего ее человека-субъекта познания. Значит, прежде всего надо найти правдоподобный ответ на вопрос о том, почему именно с показателями направления произошла подобная «грамматикализация».

Не так давно этологи Марк Хаузер и Уильям Текумзе Фитч совместно с лингвистом Ноамом Хомски на основе явления рекурсии – сходства между построением сложной структуры высказывания и навигационной способностью запоминания сложного маршрута – выдвинули гипотезу о том, что человеческая способность строить высказывание эволюционировала из мозговой структуры, отвечающей у животных за другие функции, такие как навигация (Hauser et al, 2002). На наш взгляд, в пользу этой гипотезы говорит еще и тот факт, что языковые элементы, имеющие отношение к ориентации, в том числе и интересующие нас показатели направления, выполняют чрезвычайно важную грамматическую функцию. Анализируя применение разных синтаксических конструкций как структурирование и переструктурирование событий, Стивен Пинкер отмечает, что «в английском языке изменяющаяся сущность трактуется так же, как сущность перемещающаяся» (Пинкер, 2016, с. 64). Крайне важно отметить, что трактовка изменения через перемещение характерна не столько какому-то конкретному языку, сколько человеку как субъекту познания, который воспринимает процесс движения как процесс, приводящий к переменам. Строго говоря, во время физического движения в физическом пространстве в каждый конкретный момент человек может двигаться только в одну сторону, но в языке существует целый набор показателей направления. Языковая дифференциация направления происходит

за счет включения в фокус внимания местонахождения до и после перемещения, а также возможное препятствие на пути перемещения. Осознание разницы между нахождением в начальном пункте и нахождением в конечном пункте влечет за собой представление о переменах. Таким образом, направленность движения в пространстве и направленность перемен во времени для человека – практически одно и то же. То, что показатели направления в разных языках выполняют схожую грамматическую функцию в плане выражения «результативности» – следствие такого отождествления.

Если говорить о русском языке, то все глагольные приставки также непосредственно связаны с восприятием направления. Термины «приставка» и «префикс» по отношению к показателям направления в русском языке, так же как и «направительная морфема», «модификатор», «результатив» по отношению к показателям направления в китайском языке, отражают исходный подход к рассмотрению языка как системы единиц – от элементарных до крупных, и вытекающее из данного подхода представление о морфологической и семантической комбинаторности. При этом признается исследователями семантики приставок то, что приставка может доминировать над глаголом, при взаимодействии значений приставки, глагольной основы и других элементов ближайшего контекста центральное место отведено приставке (Добрушина, Пайар, 2001), и именно приставка задает некоторый сценарий развития ситуации, и в осуществлении этого сценария участвуют разные факторы, в том числе – глагольная основа (Кронгауз, 1998). Налицо сходство с нашим выводом о том, что показатель направления имеет отношение далеко не только к самому действию.

Таким образом, если отложить в сторону априорное представление о результативной конструкции как двухкомпонентной единице и семантической комбинаторности, то очевидной становится когнитивная функция показателей направления: с их помощью человек определяет характер перемен. Выбор того или иного показателя направления при конструировании события зависит от оценки первоначального и конечного состояния, подобно тому, как человек определяет направление движения в физическом пространстве на основе

оценки первоначального и конечного местоположения. Объективно наблюдаемый процесс «грамматикализации» в языке по сути является процессом не семантическим, а когнитивным, и мы в действительности имеем дело с категоризацией перемен с помощью показателей направления: каждый показатель направления является овеществленным фиксатором определенной ментальной модели движения, способной конструировать большое количество перемен. С этой точки зрения, конструирующей ситуацию основой является не глагол, а показатель направления, с помощью которого человек определяет тенденцию и характер перемен, а обозначенное глаголом действие – лишь конкретный способ осуществления перемен.

Вся сложность заключается в том, что дифференциация направления движения для определенного этноса носит интерсубъективный характер, и набор интересующих нас показателей направления варьируется в естественных языках[3]. Иными словами, при общности умения построения моделей с опорой на собственную навигацию в физическом пространстве допускается множество вариаций подобных моделей. Эти вариации в равной степени приемлемы для человека, но в каждом языке функционирует лишь определенный набор возможных моделей. Оказавшись в раннем детстве в определенной языковой среде, мозг человека «закрепляет» присущий этому языку набор моделей. В этом, на наш взгляд, и проявляется функция языка, названная А. В. Кравченко как «биосоциальная». А закрепленный набор моделей в дальнейшем уже работает, скорее всего, в фоновом режиме, и обеспечивает «понимание» друг друга внутри языкового коллектива в различных ситуациях.

Мотивированность выбора показателя направления

Итак, вернемся к нашему вопросу: чем же мотивирован носитель китайского языка при выборе того или иного показателя направления, когда совершается одно и то же действие «обмен денежных средств на какой-то объект»? Когда мы рассматриваем

---

[3] Об интерсубъективном характере дифференциации направления движения хорошо свидетельствуют результаты психолингвистического эксперимента, проведенного нами среди носителей русского и китайского языков (Цзинь, 2014).

показатель направления как основу конструирования перемен, то его функция уже не ограничивается самой результативной конструкцией, т. е. выбор того или иного показателя направления прежде всего связан не с действием как таковым, а с пропозициональной установкой человека-субъекта познания: при порождении сообщения о некоем результате человек оценивает состояния «до» и «после», определяя сущностные различия между ними. От этой оценки и зависит выбор того или иного показателя направления. Поскольку применение определенного показателя направления для конструирования перемещения в физическом пространстве и перемен во времени сигнализирует нам о реализации одной и той же модели движения, то анализ ситуаций, пространственных и непространственных, приводит нас к выяснению того, как абстрагируется первоначальное восприятие перемещения в пространстве человеком-субъектом познания, какое представление о характере перемен формируется в ходе такой абстракции и почему.

Показатель 到 dao акцентируется на «достижении пункта назначения», и в этом акцентировании заложено, прежде всего, выделение некой точки в пространстве среди всех возможных точек. «Достижение» в этом случае может подразумевать «попадание в нужную точку среди множества точек»[4], что сопряжено с пониманием выполнения ряда условий, в том числе «держание правильного курса», «преодоление возможных сложностей на пути к нужной точке»[5]. Следовательно, модель достижения нужной точки подходит к ситуациям, когда некий целевой объект изначально «размещен» человеком-субъектом познания в некой точке в пространстве (физическом или

[4] За одним показателем направления может быть закреплено несколько возможных вариаций модели движения. В рамках этой статьи наша цель заключается в иллюстрации объяснительной силы идеи о категоризации на примерах, когда в определенную вариацию допускается интеграция такого действия, как «покупать». Подробный анализ показателя 到 и различия между ним и русским «до» проведен в другой работе (Цзинь, 2022)

[5] «Курс» и «путь» в модели движения указывает на тенденцию перемен, а не только на траекторию перемещения, реализуемого в физическом пространстве.

воображаемом) среди всех возможных. В свою очередь, такое «размещение» может быть мотивировано тем, что человек-субъект познания знает, что целевой объект существует только в единичном варианте, или только в одном месте, или по какой-то причине целевой объект может исчезнуть с этого места. В такую модель может быть интегрировано действие «покупать», при этом размещение целевого объекта – товара – в особую точку продиктовано знанием о том, что товар является дефицитным или пользуется большим спросом (его можно найти только в определенных местах и / или в определенное время). Кроме «покупать», в модель могут быть интегрированы разного рода действия, в которых допускается присутствие аспекта «поиск». Например:

事问到了吗？Shi wendaolema? ‘дело, событие, происшествие + спрашивать + 到 + оператор переключения состояния + вопросительная частица’ – *Удалось узнать*?

Применение 到 продиктовано тем, что говорящий предполагает наличие некоего источника информации касательно некоего дела и размещает его в некую особую точку в пространстве. Для получения нужной информации инициатор действия «спрашивать» должен найти или попасть в «нужную точку» среди множества возможных источников.

我怎么没有想到这一点。Wo zenmo meiyou xiangdao zheyidian. ‘я + как + не, нет + думать + 到 + эта точка’ – *Как это я не подумал(-ла) об этом. Как это я не учел (учла) этого*.

Ситуация конструирована по аналогии с размещением физического объекта на некой особой точке в физическом пространстве: любая единица сознания, включая все, что хранится в памяти, и все, что может сформироваться в ходе мыслительного процесса, получает локализованную, оперируемую ментальную репрезентацию в виде «точки». В данном применении 到 просматривается наше представление о собственном мыслительном процессе как о процессе не совсем подвластном, иными словами, его ход не всегда нами сознается, но его результат становится осознанным, как только достигнет некой «точки» – единицы памяти или новосформированной мысли.

Показатели 上 shang и 下 xia образно симметричны и носят иконический характер. Их прообраз – 一 и 一 (Ханьцзыюанлюцыдянь, 2003, 24, 19) – еще нагляднее отражают подобие между означающим и означаемым: восприятие ВЕРХ и НИЗ опирается на некую линию отсчета, а короткой черточкой обозначается соответствующая зона относительно этой линии. Опрос носителей языка показывает, что для обоих показателей характерен синкретизм восприятия статичного положения и динамического процесса (Цзинь, 2014, 47). За 上 shang зафиксировано одновременно представление о статичном ВЕРХ как некой точке на вертикально направленной линии и представление о динамическом процессе ВВЕРХ для достижения данной точки. 下 xia указывает одновременно на зону, расположенную ВНИЗУ, и процесс, приводящий к позиционированию субъекта самокаузации или объекта каузации в этой зоне.

上 применяется для конструирования перемен с тенденцией ВВЕРХ, включая ситуации, когда некий целевой объект «размещен» в положении ВЕРХ. Вертикально направленная линия может служить некой шкалой, а движение вверх по этой линии сигнализирует об усилении некоего признака. Когда целевой объект действия «покупать» «размещается» говорящим в положении «ВЕРХ», то объект оценивается как нечто «дорогостоящее», «престижное». В целом речь идет не только о результативности покупки в отношении такого объекта, но и о подъеме покупательной способности у инициатора действия. Иными словами, моделью движения вверх конструируются перемены к некоему улучшению. Примечательно, что это улучшение может не иметь прямого отношения к интегрируемым в данную модель действиям, решающим фактором является именно мотивированность «размещения» объекта на более высоком положении по вертикальной шкале.

Выражение 买上一套房子 maishang yitao fangzi ‘покупать +上+ квартира’ корректно, например, в контексте 要多少年才能买上一套房子? Yao duoshao nian caineng maishang yitao fangzi ‘требоваться + сколько лет + только + возможно + покупать +上+ квартира’ – *Сколько лет нужно (копить деньги), чтобы купить квартиру?*.

«Размещение» объекта на более высоком положении по вертикальной шкале продиктовано знанием о его высокой стоимости.

用上了煤气 yongshangle meiqi ‘использовать + 上 + оператор переключения состояния + природный газ’ – *Подключили газ*. Выражение корректно на фоне знания о том, что природный газ без соответствующей инфраструктуры недоступен населению, и потому может быть «размещен» на более высоком положении по шкале, и 上 указывает на перемены к лучшему, когда ранее недоступный газ стал доступным.

吃上了鲜鱼 chishangle xianyu ‘есть, кушать + 上 + оператор переключения состояния + свежая рыба’ – *(Теперь) можно приготовить блюда и из свежей рыбы*. Выражение корректно благодаря наличию оговорки о свежести рыбы. На фоне знания о том, что натуральные продукты быстро портятся, мотивированность «размещения» *свежей рыбы* на более высоком положении по шкале оценки очевидна, и 上 указывает на перемены, когда свежая рыба стала доступной простым людям благодаря, например, улучшению логистики. А выражение без элемента «свежесть» – 吃上了鱼 – может показаться некорректным из-за того, что причина «размещения» *рыбы* на более высоком положении по шкале оценки не столь ясна. Такая неясность может быть снята, например, при добавлении географического ограничения: 这里的人也吃上了鱼 Zhelide ren ye chishangle yu ‘здешний + человек, люди + тоже + есть, кушать + 上 + оператор переключения состояния + рыба’ – *Блюда из рыбы появились и на столе здешнего населения*. В этом случае мотивированность «размещения» *рыбы* на более высоком положении по шкале оценки становится понятным на фоне знания о том, что рыбу можно добыть не везде. Применение 上 сообщает о том, что для *здешнего населения* до перемен к улучшению «рыба» ценилась из-за ее отсутствия в данной местности.

下 xia указывает на место, расположенное ВНИЗУ, и некий процесс, приводящий к позиционированию некоего объекта в этой зоне. Крайне важно при этом понимать, каким образом

определяется эта зона, иными словами, относительно какого ориентира определяется зона ВНИЗУ. По сравнению с 到 и 上, при применении 下 для конструирования ситуации с действием «покупать» наиболее жестким образом регламентируются объекты, на которые может быть направлено такое действие. По сути, речь может идти только о приобретении права собственности на недвижимость или предприятие: 买下一套房子 maixia yitao fangzi ‘买 + показатель движения вниз + квартира’ подчёркивает, что приобретено право по дальнейшему распоряжению имуществом.

Это обстоятельство наводит на мысль о том, что зона ВНИЗУ в китайском языковом сознании коррелируется с пониманием «подконтрольности» и «фиксации». Такая корреляция выглядит вполне естественной, если зона ВНИЗУ определяется относительно самого субъекта познания – человека, прямостоящего на поверхности земли [6]. Возникающее при этом ощущение «реальности, определенности и покоя» переносится на восприятие результата фиксации НЕЧТО внизу от себя. Эта логика не чужда и русскому языковому сознанию, корреляция «фиксация – определенность, неизменность» усматривается, например, в таких выражениях, как «*постановление*», «*установлено*». А применение предлога *под* в выражении «*под контролем*» уже эксплицирует восприятие зоны «низ» как подконтрольной зоны. 下, таким образом, приобретает возможность конструировать перемены как воображаемое перемещение некоего целевого объекта в воображаемую зону НИЗ как зону под полным контролем и зону фиксации. В эту модель движения могут быть интегрированы действия, не противоречащие цели получения контроля или фиксации, например:

拿下冠军 (брать + 下 + чемпионство) – *стать чемпионом*;

---

[6] Вывод о том, что 下 указывает на зону НИЗ от человека-субъекта познания в качестве ориентира, сделан не только благодаря жесткому регламентированию объектов при конструировании ситуации с действием «покупать». Говорит в пользу данного вывода сравнительный анализ метафорического потенциала этого показателя и русской приставки «с-» (Цзинь, 2020).

攻下阵地 (атаковать + 下 + фронт) – *взять позицию противника*;

定下日子(определять + 下 + день) – *определить дату (для важного события)*;

许下诺言 (обещать + 下 + обещание, слово) – *дать слово*.

Заключение

Обучение языку как иностранному проигрывает естественному филогенезу, главным образом, отсутствием реальных кооперативных взаимодействий, в ходе которых ребенком «угадывается» ви́дение ситуации у взрослого и переменяется это ви́дение. Когнитивный подход к трактовке результативной конструкции может «напомнить» обучающимся об их же потенциальной способности угадывать модели движения с опорой на пространственную ориентацию, тем самым способствовать повышению активности мышления у обучающихся и пониманию внутренних когнитивных схем и смысловой интенции языковых единиц.

С теоретической же точки зрения, представление о результативной конструкции как ментальной модели и идея о категоризации перемен меняет приоритет исследования: вместо поиска связи между семантическими признаками выявляется механизм генерации семантики. Перспективным, на наш взгляд, окажется сравнение возможностей категоризации перемен у показателей направления в разных языках, которые способны конструировать одно и то же или схожее перемещение в физическом пространстве. Расхождение в их возможностях конструирования перемен сигнализирует о том, что при восприятии одного и того же или схожего физического опыта перемещения в физическом пространстве наш мозг обладает «свободой» создавать разные вариации моделей. Таким образом, у нас появляется возможность конкретизировать наше знание о причинах возникновения культурных различий в плане применения показателей направления и объяснить их путем выявления возможных вариаций моделей. Исследование в этом направлении поможет ответить на вопрос о том, насколько велика произвольность мозга в создании ментальных моделей, или же

«свобода» лишь видимая и на самом деле регулируется весьма ограниченными по количеству факторами.

Литература

1. Антонян К. В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. М.: Муравей, 2003.
2. Антонян К. В. ‘Вверх’ и ‘вниз’: ориентационная метафора в китайском и английском языках // Сборник материалов Международной конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. 2014. С. 11-17.
3. Беляевская Е. Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник МГИМО-Университета. 2013. No 5 (32). С. 76-83.
4. Беляевская Е. Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов. Серия «Теория и история языкознания» / Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания: Редколл. Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. М., 2008. С. 64-81.
5. Глебкин В.В. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 368 с.
6. Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы // Русские приставки: многозначность и семантическое единство / Е. Р. Добрушина, Е. А. Меллина, Д. Пайар (отв. ред.). М.: Русские словари, 2001. С. 11–254.
7. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
8. Кошелев А. Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // Вопросы языкознания. 2008. №4. С. 15–40.
9. Кравченко А. В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 14–26.
10. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.

11. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.
12. Пикок А. Эволюция – тайный друг веры: Пер. с англ. М.: Изд-во ББИ, 2013. 375 с. (Серия «Богословие и наука»).
13. Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу: Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2016. 560 с.
14. Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теории, сторонники, близкие идеи. Лингвистика конструкций / Е. В. Рахилина (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.
15. Табаченко Т. С. Когнитивный подход к обучению в современном лингвистическом образовании // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2009. № 1 (8). С. 104–109.
16. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
17. Цзинь Т. Психолингвистический портрет глаголов перемещения (на материале русского и китайского языков) // Вопросы психолингвистики. 2014. С. 42–55.
18. Цзинь Т. Неэквивалентность полисемантов и механизм формирования со-знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 15-36. DOI 10.20916/1812-3228-2022-2-15-36.
19. Цзинь Т. Модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ и их метафорический потенциал (на материале русского и китайского языков) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 277-292. DOI 10.17223/18137083/73/19.
20. Hauser M., Chomsky N., Fitch W. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // Science. 2002. № 298. P. 1569–1579.
21. Lakoff, G., Johnson, M. (1980) Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press.
22. Лю Юэхуа. Цюйсянбуюйтунши (Толкование дополнительных элементов направления). Пекин: Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 1998. 704 с. (На кит. яз.)

23. Сунь Цзянь, Цянь Чжифу ‘Вверх’: ориентационная метафора в китайском и английском языках [孙健, 钱志富 英汉“上”隐喻对比研究. 现代语文(语言研究版) // Современная филология. Серия «Лингвистические исследования». 2014. № 12. С. 133–135. (На кит. яз.)
24. Чэнь Яньпин. Сравнительный анализ концептов ориентационной метафоры ‘верх’ и ‘низ’ в английском и китайском языках [陈燕平 空间隐喻概念“上、下”的英汉对比研究.山西师大学报(社会科学版)] // Вестник Шаньсийского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 38 (S1). С. 102–104. (На кит. яз.)
25. Ханьцзыюанлюцыдянь [汉字源流词典。北京， 华夏出版社]. Этимологический словарь китайских иероглифов. Пекин: Изд-во Хуася, 2003. 863 с. (На кит. яз.)
26. Ханьюйдунцыюнфацыдянь [汉语动词用法词典。北京， 商务印书馆] Словарь по употреблению глаголов китайского языка. Пекин: Изд-во Шану, 1999. 495 с. (На кит. яз.)

References

Antonyan, K. V. (2003). *Morfologiya rezul'tativnykh konstruktsiy v kitayskom yazyke [Morphology of resulting constructions in Chinese]*. M.: Muravey, 2003.

Antonyan, K. V. (2014). `Vverkh’ i ‘vniz’: orientatsionnaya metafora v kitayskom i angliyskom yazykakh ['Up' and 'down': an orientational metaphor in Chinese and English]. In *Collection of materials of the International Conference on the Languages of the Far East, Southeast Asia and West Africa* (pp. 11-17).

Belyaevskaya, E. G. (2013). Kognitivnaya lingvistika i prepodavanie inostrannykh yazykov [Cognitive linguistics in second language acquisition]. *MGIMO Review of International Relations*, *5* (32), 76-83.

Belyaevskaya, E. G. (2008). Semantika v trekh paradigmakh lingvisticheskogo znaniya (kriterii vybora metoda) [Semantics in three paradigms of linguistic knowledge (method selection

criteria)]. In *Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics. Collection of scientific papers. Ser. "Theory and History of Linguistics" Center for Humanitarian Scientific Information Research, Department of Linguistics; editorial board: Kubryakova E.S., Luzina L.G.* (pp. 64-81). Moscow.

Glebkin, V.V. (2014). *Smena paradigm v lingvisticheskoy semantike: ot izolyatsionizma k sotsiokul'turnym modelyam [Paradigm shift in linguistic semantics: from isolationism to sociocultural Models]*. M.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives.

Dobrushina, E. R., & Payar D. (2001). Pristavochnaya paradigma russkogo glagola: semanticheskie mekhanizmy [Prefixed paradigm of the Russian verb: semantic mechanisms]. In *E. R. Dobrushina, E. A. Mellina, D. Payar (Eds.)*, *Russian prefixes: polysemy and semantic unity* (pp. 11–254). Moscow: Russian Dictionaries.

Kibrik, A. E. (2003). *Konstanty i peremennye yazyka [Constants and variables of language]*. St. Petersburg: Aleteyya, 2003.

Koshelev, A.D. (2008). Ob osnovnykh paradigmakh izucheniya estestvennogo yazyka v svete sovremennykh dannykh kognitivnoy psikhologii [On the principal paradigms of studying natural languages in the light of cognitive linguistics]. *Voprosy Jazykoznanija, 4,* 15–40.

Kravchenko, A. V. (2016). Epistemologicheskaya lovushka yazyka [The Epistemological Trap of Language]. *Tomsk State University Jounal of Philology, 3* (41), 14–26.

Krongauz, M. A. (1998). *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika [Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar]*. M.: Yazyki russkoy kul'tury.

Kustova, G. I. (2000). Kognitivnye modeli v semanticheskoy derivatsii i sistema proizvodnykh znacheniy [Cognitive models in semantic derivation and the system of derived meanings]. *Voprosy Jazykoznanija, 4,* 85–109.

Peacocke, A. (2013). *Evolution. The Disguised Friend of Faith?* Russ. ed.: Seriya «Nauka i bogoslovie». M.: Izd. BBI.

Pinker, S. (2016). *The Stuff of Thought. Language as a Window into Human Nature*. Russ. ed. Izd. 2-e. M.: URSS.

Rakhilina, E. V., & Kuznetsova, Yu. L. (2010). Grammatika konstruktsiy: teorii, storonniki, blizkie idei. [Grammar of

constructions: theories, supports, related ideas]. In *E. V. Rakhilina (Ed.) Linguistics of constructions* (pp. 18–79). M.: Azbukovnik.

Tabachenko, T. S. (2009). Kognitivnyy podkhod k obucheniyu v sovremennom lingvisticheskom obrazovanii [Cognitive approach to learning in modern linguistic education] *Scientific Notes of Sakhalin State University, 1* (8), 104-109.

Tan, Aoshuan. (2002). *Problemy skrytoy grammatiki: Sintaksis, semantika i pragmatika yazyka izoliruyushchego stroya (na primere kitayskogo yazyka) [Problems of hidden grammar: syntax, semantics and Pragmatics of language of the isolating system (on the example of the Chinese language)]*. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Tszin, T. (2014). Psikholingvisticheskiy portret glagolov peremeshcheniya (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov) [The Psycholinguistic Portrait of Russian and Chinese Verbs]. *Journal of psycholinguistics*, *2*, 42–55.

Tszin, T. (2022). Neekvivalentnost' polisemantov i mekhanizm formirovaniya so-znaniya [Nonequivalence of Polysemants and the mechanism of Forming Co-knowledge]. *Issues of Cognitive Linguistics, 2,* 15-36. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-15-36.

Tszin, T. (2020). Modeli DVIZhENIYa VNIZ i ikh metaforicheskiy potentsial (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov) [Models of *DOWNWARD* Motion and their Metaphorical Potential (in Russian and Chinese)]. *Siberian Journal of Philology, 4*, 277-292. DOI: 10.17223/18137083/73/19.

Hauser, M., Chomsky, N., & Fitch, W. (2002). The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? *Science, 298,* 1569–1579.

Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Liu, Yuehua. (1998). *Quxiangbuyutongshi [Interpretation of additional elements of direction]*. Beijing.

Sun, Jian, Qian, Zhifu. (2014). Yinghan “shang” yinyu duibi yanjiu [A comparative study of "UP" metaphors in English and Chinese]. *Modern Chinese*, *12,* 133-135. DOI：CNKI:SUN:YWLY.0.2014-12-044.

Chen, Yanping. (2011). Kongjian yiyugainian “shang, xia” de yinghan duibiyanjiu [A contrastive study of the spatial metaphor concept "up

and down" in English and Chinese]. *Journal of Normal University (Social Science Edition), 38* (S1), 102-104.
Hanyudongcicidian. (1999). *[Chinese verb usage dictionary]*. Ed.: Meng Cong, Zheng Huaide, Meng Qinghai, CaiWenlan. Beijing, Printing House Shangwu.
Huanziyuanli cidian. (2003). *[Chinese etymological dictionary]*. Ed.: Gu Yankui. Beijing, Printing House Huaxia.

УДК 811. 161.1. 5
Чжи Ли,
Н.Е. Якименко
Санкт-Петербургский государственный университет,
Т.Р. Писарская
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики

СПОСОБЫ СТРУКТУРНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЭВФЕМИЗМОВ

В настоящей статье проводится исследование учебного словаря как особого типа лексикографического произведения с целью определения оптимального компонентного содержания словарной статьи лингвокультурологического словаря социально-политических фразеологических эвфемизмов. В статье также осуществляется детальное описание сопутствующих проблем, анализируемых на примере скомпилированного авторами словаря. В статье предложены интерпретации релевантных терминов, включая «социально-политический эвфемизм», «устойчивые словесные комплексы», «коллокация» и «фразеологический эвфемизм». Материалом исследования послужили 947 единиц социально-политических эвфемизмов, отобранных из толковых словарей русского языка. Согласно результатам исследования, при работе над учебным словарем эвфемизмов решению подлежат такие вопросы, как объем языкового материала, его репрезентация, иллюстративные контексты и необходимость лингвокультурологического комментирования. В статье